

— М-м? — Фэн Цяньсюэ поднял голову.

Се Жэнь обнял его за шею и глубоко поцеловал. Фэн Цяньсюэ слегка нахмурился; баночка со снадобьем в его руках со стуком покатилась по полу, а сам он оказался уложенным на подушки. Их волосы переплелись, пальцы сцепились в замок, и в звенящей тишине они предались пылкому поцелую.

Под пологом кровати всё ещё витал доносившийся из окна тонкий цветочный аромат. Се Жэнь чувствовал, что его возлюбленный буквально пропитался этим благоуханием. Влажные глаза Фэн Цяньсюэ смотрели на него, а уголки глаз порозовели, словно только что сорванный лепесток.

Се Жэнь снова склонился к нему, осыпая нежными поцелуями, затем погладил подушечкой пальца его щёку и тихо усмехнулся:

— Почему ты так балуешь меня?

Дашь палец — укусит по локоть: именно это выражение как нельзя лучше описывало Се Жэня в данный момент. Ему совершенно не хотелось выпускать возлюбленного из объятий — словно ребёнок с леденцом за щёкой, он то и дело норовил его лизнуть. Фэн Цяньсюэ поначалу хотел поддаться ему, но в конце концов не выдержал и сказал:

— Расскажи мне какую-нибудь историю.

Се Жэнь наконец на мгновение затих:

— Историю?

— Например, о том, что было в твоём детстве, — Фэн Цяньсюэ слегка приподнялся. — В поместье Се наверняка не было суровых правил. Ты ведь вырос счастливым?

— Я и сейчас очень счастлив, — Се Жэнь подложил руку ему под голову. — В детстве отец и мать души во мне не чаяли и страшно избаловали. Я вырос настоящим сорванцом и перевернул вверх дном весь город Синхуа. Кое-кто даже сплетничал, мол, когда я вырасту, стану настоящим бедствием. Но никто не ожидал, что я вырасту вполне приличным человеком — полагаю, это их ужасно разозлило.

А уж теперь, когда он обрёл славу, подняв пламя до небес на пике Хоянь и сразив Цзюина, стоит этим новостям дойти до города Синхуа, как помещик Се с супругой снова смогут долго гордиться и щеголять успехами сына.

Се Жэнь продолжил:

— Ты не видел моего отца, а ведь он мастер выводить людей из себя. Каждый раз, когда у меня случалось что-то хорошее, он устраивал в городе пышный пир для всех желающих. И тех, кто обычно ругал меня громче всех, он нарочно усаживал на самые почётные места. А если кто-то не хотел приходить, ссылаясь на недомогание, отец с грохотом гонгов и барабанов сам отправлялся к ним домой с рисовым вином и свиной головой — якобы навестить больного.

Судя по всему, семья у него была чрезвычайно шумной и весёлой. Фэн Цяньсюэ прислонился к его груди:

— Неудивительно, что они вырастили такого разбойника.

— А... ты? — Се Жэнь коснулся тыльной стороной пальца кончика его носа.

— У меня нет родителей. Сколько себя помню, рядом были только учитель и старшие братья-соученики, — сказал Фэн Цяньсюэ. — Фехтование, самосовершенствование... Каждый день был похож на предыдущий, но мне не казалось это скучным. В книгах часто пишут о пышности и суете мирской жизни, о том, как увлекателен внешний мир, но я забывал обо всём сразу после прочтения и никогда не задумывался о том, чтобы по собственной воле покинуть дом.

Так продолжалось до тех пор, пока Му Фэнчунь не решил, что так дело не пойдёт: младший соученик ещё совсем мал, а целыми днями только и делает, что зевает, точь-в-точь как маленький старичок. Он лично забрал его с горы — якобы под предлогом истребления демонов, а на самом деле большую часть времени они путешествовали и любовались пейзажами. Они потратили целый год, пройдя с юга на север, и Фэн Цяньсюэ впервые узнал, что представляет собой бренный мир.

Се Жэнь спросил:

— И как, тебе понравился этот мир?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Раньше... не могу сказать, что он мне нравился или не нравился.

— А теперь?

— Теперь в этом мире есть ты.

Поэтому он его полюбил — полюбил так, что всё сердце наполнялось сладостью. Теперь весь мир казался прекрасным, тёплым и оживлённым: вино было сладким, и даже качели сплошь покрылись цветами.

Се Жэнь крепче обнял его и снова поцеловал.

Так они и лежали вдвоём, тихо разговаривая, пока Фэн Цяньсюэ окончательно не сморил сон. Он уткнулся лицом в грудь Се Жэня, натянул одеяло на голову и больше не желал откликаться. Он надеялся, что, уснув, наконец обретёт покой, но всю ночь ему снилось бушующее пламя, охватившее всё вокруг. Жар не давал ему покоя, тело, казалось, вот-вот расплавится, и в испуганной попытке вырваться из этого смертельного плена он резко дёрнулся — и услышал рядом вскрик от боли. Открыв глаза, он зажмурился от яркого солнечного света.

Се Жэнь держался за лицо, из глаз у него от боли чуть не брызнули слёзы:

— Ты меня ударил.

Фэн Цяньсюэ приподнялся и сел; он весь был в холодном поту, а лицо оставалось бледным:

— Ты меня сжигал.

Се Жэнь растерялся:

— А?

Фэн Цяньсюэ оттолкнул его, встал с кровати и налил себе воды.

Се Жэнь с обиженным видом поплёлся за ним:

— А-Сюэ, тебе же просто приснился сон! Почему ты сваливаешь вину за свой сон на меня?

Фэн Цяньсюэ оттянул воротник:

— Сон приснился из-за того, что ты навалился на меня. Когда отправляемся?

— Раз тебе так жарко, поедим и сразу тронемся в путь, — сказал Се Жэнь. — Пойдём срезом от городка Лунван до Чуньтаньчэна. Если повезёт, огромные орлы с утёса Цяньчжан подбросят нас на часть пути.

— Орлы с утёса Цяньчжан принадлежат хозяину, разве он разрешал кататься на них? — Фэн Цяньсюэ поставил пиалу. — Хотят лениться даже на таком коротком отрезке... Тебя надо выпороть.

Се Жэнь протянул руку, ничуть не испугавшись:

— Ну так бей.

Фэн Цяньсюэ из ниоткуда сотворил нефритовый линейку и действительно шлёпнул его по ладони. Младший господин Се не ожидал такого поворота; глядя на свою покрасневшую ладонь, он испытал скорее душевное потрясение, чем физическую боль:

— Постой, откуда у тебя орудие пыток?

— Когда я впервые спускался с горы, второй старший брат дал её мне, — ответил Фэн Цяньсюэ. — Вижу, ты в последнее время совсем зазвездился, вот и решил применить.

Се Жэнь поднёс руку к его лицу:

— Больно бьёшь. Теперь я не смогу собрать вещи.

Фэн Цяньсюэ остался непреклонен:

— Раньше, когда господин Чжу избивал тебя до синяков по всему телу, это не мешало тебе лазить в реку за рыбой.

— Как учителю сравниться с тобой? — возразил Се Жэнь. — К тому же учитель, отлупив меня, всегда заглаживал вину чем-нибудь сладеньким.

Фэн Цяньсюэ подался вперёд и лёгким касанием прикоснулся к его губам, действительно подсластив пилюлю.

Вот только «сладости» оказалось слишком много.

Они вновь сцепились в объятиях и долго целовались, выбравшись из комнаты лишь к полудню. Хозяйка постоянного двора с ухмылкой спросила: «Молодые заклинатели, должно быть, перегрелись на такой жаре? Губы-то какие красные! Я же вчера говорила — нужно пить больше отвара из маша!»

Фэн Цяньсюэ подхватил Се Жэня и стремительно увлёк его прочь, словно порыв ветра.

Чем дальше они уходили от пика Хоянь, тем прохладнее становился воздух. Летние пейзажи

сменились осенними. В тот день они вошли в горный массив. Се Жэнь заметил на крутом склоне сочные дикие унаби и уже намеревался нарвать немного, как вдруг с неба с хлопанием крыльев спустилась деревянная птица. Судя по её стремительному полёту, она несла весьма важное послание.

Фэн Цяньсюэ поймал деревянную птицу и развернул письмо. Записка была от Ло Мэйшэна: тот сообщал, что тщательно проверил всех пятидесяти учеников из Тринадцатого павильона обители Фэйсянь. Сорок девять из них оказались чисты, и лишь один, по имени У Люсюй, вызывал серьёзные подозрения — помимо поисков божественного меча Мецзун, он тайком выводил сведения об остальных трёх божественных мечах.

Се Жэнь спросил:

— И где сейчас этот У-как-его-там... У Лю-что-то-там?

— Сбежал, — ответил Фэн Цяньсюэ.

Се Жэнь лишился дара речи. Ло Мэйшэн поистине умудрился отличиться — как у него вообще так получилось?

Фэн Цяньсюэ передал ему письмо:

— Ученики обители Фэйсянь уже разыскивают его повсюду. Поговаривают, он сбежал в район хребта Дагуцуй.

— Хребет Дагуцуй? Так это же совсем рядом, — Се Жэнь развернул карту. — Раньше ты ругал меня за мысль прокатиться на чужих орлах у утёса Цяньчжан, но раз уж нам нужно поймать беглеца, мы ведь можем на этот раз одолжить их? Это сэкономит кучу времени.

— Говорят, у хозяина утёса Цяньчжан странный нрав. Чтобы сесть на его орла, нужно обыграть его в партии, — заметил Фэн Цяньсюэ. — Ты умеешь играть?

— Я не умею.

— Как удачно, я тоже.

Се Жэнь сжал его руку:

— У меня есть ещё один способ. Хочешь послушать?

Фэн Цяньсюэ качнул головой:

— Глядя на твоё выражение лица, понимаю: ничего хорошего ты не замышляешь. Не хочу слушать.

Се Жэнь с улыбкой обнял его за плечи:

— Да ладно тебе, задумка не так уж плоха. Те два огромных орла сидят на самой вершине утёса. Даже если у них есть хозяин, он не может стеречь их круглые сутки. Если ты согласишься, у меня найдётся сотня способов взмыть на них в небо.

Фэн Цяньсюэ увернулся:

— Говори нормально, не липни ко мне.

Однако Се Жэнь и не думал выпрямляться, продолжая ластиться к нему. На самом деле дело было не столько в желании срезать путь, сколько в стремлении втянуть возлюбленного в какое-нибудь пьянящее, но безобидное озорство. В бессмертной обители Цинъай царили суровые порядки и дисциплина, так что Фэн Цяньсюэ наверняка никогда в жизни не пробовал мелких шалостей — разве это детство? Поэтому Се Жэнь привёл ещё один довод:

— К тому же, вдруг хозяин утёса Цяньчжан окажется сговорчивым человеком? Увидит, что у нас важное дело, и с радостью одолжит орлов.

Фэн Цяньсюэ устал от его приставаний:

— Сядь нормально, и я соглашусь.

Се Жэнь клюнул его в ухо:

— Договорились! Тогда пойдём украд... э-э, то есть мирно побеседуем с этим хозяином!

<http://bllate.org/book/18374/1766351>